

# Танкер «Дербент»: Остров Чечен -5

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Остров Чечен -5 5.

Басов стоял на палубе и прикладывал к лицу рваные бинты, смоченные в марганцевом растворе. Его томило бездействие, хотелось заглянуть в машинное отделение, но Догайло сказал, что нужно держать у лица эти прохладные тряпки.

— Антонов огонь как бы не приключился, — заметил боцман, погрозив пальцем.

Он торопился в кают-компанию, где перевязывали обгоревших. Их оказалось очень много, и все они жаловались, что им холодно и нечем дышать. Басов тоже побрел туда, но как-то не нашел себе дела. Несколько человек из команды «Дербента» сумели оказать первую помощь. Электрики раздевали пострадавших или просто разрывали на них мокрые лохмотья. Вера накладывала повязку, испуганно засматривая в равнодушное почерневшее лицо, опасаясь, что затянула слишком туго.

На обеденном столе лежал штурман «Узбекистана», которому пробило голову во время взрыва. Он лежал на животе, вцепившись в клеенку и дергая лопатками. Володя вытаскивал из раны клочки волос, хмурился и нерешительно поглядывал на склянку с йодом.

— Мочи нет, — шепнул штурман, багровея, — да что ты надо мной мудруешь, парень?

— Сейчас, чуточку, пожалуйста, потерпите, — шептал Володя, делая отчаянное лицо.

Он смочил йодом кусок ваты и провел им по краям раны. Штурман рванулся, заскрипел зубами и выругался.

— Готово, — возгласил Володя с видом хирурга, окончившего сложную операцию. — Вера, перевяжи товарища!

Мустафа послушно протянул Володе обожженные руки. Лицо его было наспех забинтовано, и сквозь щель между бинтами смотрели воспаленные, слезящиеся глаза. Он заметил Басова и оживился.

– Жжет, Александр Иванович? – спросил он лукаво и, посмотрев на свои руки, добавил с удивлением: – Ишь-ты, красные, как морква!

– Сиди смирно, – заворчал Володя с угрюмой нежностью. – Моя, что ли, шкура слезает? Дубина!

На полу валялись обрывки бинтов и тряпье. Пахло больницей. При ярком свете всюду блестело человеческое голое и влажное тело. Басов постоял и вышел на палубу. Прозрачное предрассветное небо голубело над мачтами, и звезды тонули в нем, просвечивая, как сквозь чистую воду. Но ему все мерещились на море отблески красного света, и по временам он как бы переставал видеть. Лицо и руки ощущали палящий жар, и видения минувшей ночи еще не оставили его. Все, что делал он в эту ночь, было до того призрачно, что не хотелось об этом думать. Да и не произошло ли все это помимо него? И он думал о людях, работающих с ним бок о бок, о людях, которых он любил и которыми гордился.

Всего несколько месяцев назад он считал их никуда не пригодными, какой-то лукавой, мелкой породой. Нет, то были совсем другие люди. Они исчезли, и он не помнил, как их звали, не помнил их лиц. Гусейна, и Володю, и слесаря Якубова он как будто знал долгие годы, и они были ничуть не хуже сборщиков или токаря Эйбата, которыми он когда-то гордился.

Весною, покидая завод, он думал, что жизнь его кончилась. А сейчас он знал; на будущий год появятся новые, повышенные нормы. Многие суда перешли уже на стахановские рейсы, и «Агамали» снова выдвигается, угрожает занять первое место. Как-то покажет себя к будущему году команда «Дербента»? Басов подумал, что если бы он сейчас исчез, то в его отсутствие, пожалуй, ничего бы не изменилось на «Дербенте». Но именно поэтому он твердо знал, что не уйдет с танкера после окончания навигации.

Ему стало весело. Держа бинты у лица, он засвистел какой-то дикий бравурный мотив, фальшивя и поминутно обрывая свист, потому что кашель подступал к горлу. Он прошелся по палубе и вдруг, дойдя до канатного погреба, круто остановился и оборвал свист.

На палубе под дырявым кормовым флагом лежали трупы. Ветер

заворачивал край флага и открывал неподвижные, раскинутые ступни мертвецов. Как мог он забыть о них? Сам же помогал их укладывать здесь, накрывал флагом и помнил, что их было двое и что один утонул до прихода шлюпок. Помнил все время, а теперь, почему-то забыл.

«Это от усталости», – подумал он, как бы оправдываясь и силясь вызвать вновь то ощущение непоправимости случившегося, которое ошеломило его, когда он впервые увидел мертвых.

Но, как ни старался, ему не удавалось сосредоточиться на печальных мыслях. В ушах его продолжал звенеть все тот же бравурный мотив.

«Что со мной? – мысленно спрашивал он себя. – Ведь люди погибли, и это непоправимо. Как могу я думать о мелочах, радоваться чему-то, мечтать о будущем? Или я очерствел и, научившись командовать, потерял жалость к людям? Тогда мне не место здесь...»

«Неправда, – ответил он себе. – Ты шел за ними в огонь и заставлял других делать то же самое. Ты любил их, этих неизвестных тебе людей, иначе какое же другое чувство двигало тобой в эту ночь? Но они умерли, и это стало не нужно. Мустафа Гусейн едва не погиб, вытаскивая из воды мертвое тело. Он не ведает страха, у него большое, горячее сердце, и перед ним ты со всеми твоими знаниями – деловитый сухарь. Но он смеется, бинтует свои ожоги и думает о машинах, о стоянке в порту, и разве мертвые нуждаются в его печали?»

Басов поправил завернувшееся полотнище старого флага и отошел прочь. Лицо его горело, но на душе было спокойно. Он поглядывал на часы, соображая, не пора ли телеграфировать в порт о приходе, прислушивался к журчанию воды, – забыли-таки закрыть кран на спардеке?

Потом он встретил Котельникова, и тот повел его к фонарю, таинственно улыбаясь.

– А у меня штучка есть одна, – сказал он, пряча за спиной руку. – Хорошая штучка. Показать?

Он протянул Басову листок бумаги, исписанный четким косым почерком, и Басов прочел при свете фонаря:

«Помочь «Узбекистану» не можем из-за сильного ветра и искр.

Вышлите спасательное судно. «Дербент». Кутасов».

— Это первый помощник писал? — догадался Басов. — Откуда у тебя телеграмма?

— Да очень просто! Пока Мустафа сиреной шумел, Касацкий написал этот документик и сунул Володьке, чтобы тот отправил по радио. А Володька, натурально, не отправил и сейчас хотел в галюн захватить, да я у него отобрал. Это же клад! Ну, давай. На суде сгодится. — Котельников аккуратно сложил листок. — Теперь уж они не отвертятся. Угрызем паразитов! Сколько летим припаяют, как ты думаешь?

— Не знаю, — сказал Басов. — Я не юрист. Жалко все-таки старика, — добавил он брезгливо.

— Кого?

— Старика, говорю, жалко, капитана, В сущности, он очень несчастен...

Котельников перестал улыбаться.

— Жалко? Ай-ай! Но что ж теперь делать? Может быть, покрывать их будем, а? Как твое мнение?

— Ты меня не понял, — смутился Басов. — Покрывать? Я только сказал про старика, что он жалок и...

— Жалок, говоришь? Ай-ай! А это что там лежит, ты видел? — вдруг крикнул Котельников, ткнув пальцем в сторону канатного погреба. — Кабы не твой старик, эти головешки были бы людьми. Слушай-ка, если ты вздумаешь его покрывать...

— Да у меня и в мыслях не было, — поспешно оправдывался Басов.

— Просто я сморозил глупость.

— Уж такую глупость! Хорошо, что мы одни. Ребята сейчас сердитые... Слышь-ка, а мальчонка-радист у меня на койке спит. Его Мустафа привез. Целехонек, только волосы немного опалило. Сначала все хныкал — танкера ему жалко и записные книжки сгорели. Там, говорит, много интересного было. А теперь умучился, спит. Худенький, руки как стебелечки, ты бы посмотрел!

Небо на востоке быстро светлело. Из-за моря выступали горы, похожие на стаю облаков, и за ними клубились облака, похожие на снеговые горы. Показался краешек солнца, и гребни волн жемчужно порозовели. Powestler